

ГОДЫ УЧЕНИЯ У АЛЕКСАНДРА ИОСИФОВИЧА ЗАЙЦЕВА*

Приглашение Александра Иосифовича для постоянного преподавания древних языков, как и все благие начинания на кафедре истории Средних веков в 1960-е годы, исходило от тогдашнего заведующего Матвея Александровича Гуковского¹. Сам Матвей Александрович приобрел глубокие знания древних языков в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, находившейся на Гагаринской улице, где одним из его учителей был Евгений Константинович Товстик. Матвей Александрович как-то рассказывал, что он оценил познания Александра Иосифовича, услышав произнесенную им латинскую речь на каком-то то ли юбилейном заседании, то ли банкете после заседания.

Сейчас уже трудно установить по какой причине в 1965 г. — в год моего поступления в Университет — постоянного преподавателя древних языков на нашей кафедре не было. На одном из первых осенних заседаний кафедры Матвей Александрович назвал такое положение безобразием и заявил, что он будет разговаривать с А. И. Доватуром и будет просить Зайцева. Пусть не удивляет, что я, тогда студент I курса, говорю о заседании кафедры как очевидец — во время заведования Матвея Александровича мы ходили почти на все заседания, поскольку производственные вопросы решались минут за 10, а потом были научные доклады. Самое удивительное, что, договорившись о встрече с Аристидом Ивановичем, Матвей Александрович взял на переговоры четырех студентов I курса (О. Л. Дугаева, Ю. П. Малинина, И. Л. Штатмана и меня). Тогда я впервые увидел Аристида Ивановича, о котором я уже слышал как о человеке, проведем многие годы в лагерях, и отметил про се-

---

* Автор выражает признательность С. Е. Крыловой, Г. Е. Лебедевой, Н. В. Ревуненковой, А. Х. Горфункелю, Н. Е. Копосову, Н. И. Николаеву и Ю. П. Малинину за ценные советы и помощь.

¹Еще в 1957 г. в бытность Александра Иосифовича аспирантом, по свидетельству Г. Е. Лебедевой, он проводил занятия со студентами кафедры истории Средних веков, а в начале 1960-х годов у него обучались аспирантки С. Е. Крылова и Н. В. Ревуненкова. Но, к сожалению, это сотрудничество не стало постоянным.

© И. Х. Черняк, 2007

бя, что встреча двух профессоров была встречей двух бывших зеков. Когда Матвей Александрович представлял нас, Аристид Иванович, услышав фамилию Малинин, тут же вспомнил о какой-то лекции Д. С. Мережковского, на которой перечисление различных космических антитез («дух и плоть», «верхняя и нижняя бездна», «Христос и антихрист») он закончил упоминанием А. Ф. Малинина и К. П. Буренина. Напомню, что это были фамилии авторов знаменитого руководства по арифметике, по которому училось несколько поколений гимназистов и реалистов. Разговор не дал результатов, поскольку нагрузка была уже распределена до мая, но мы получили обещание учесть наши пожелания на будущий год. Слово Аристид Иванович сдержал. Осенью 1966 г. началось наше обучение у Александра Иосифовича.

Об Александре Иосифовиче я был уже слышан. Впервые о нем я узнал от своего первого учителя на историческом факультете, который был нашим наставником в клубе юных историков — Николая Викторовича Иванова. Вскоре после моего поступления в Университет, одобрив тему будущей курсовой работы, он заметил, что было бы хорошо, чтобы латинскому языку я обучался у А. И. Зайцева, которого он назвал человеком во многих отношениях удивительным. Этот разговор приобрел для меня особый смысл после прочтения «Хронологической канвы жизни и творчества А. И. Зайцева» в альманахе «Древний мир и мы». Там, в разделе 1966 г. упомянуты приятельские отношения Н. В. Шебалина с членами Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) и предостерегающие беседы Александра Иосифовича с Н. В. Шебалиным и Е. А. Вагиным². Н. В. Иванов был одним из основателей Союза, и в 1965 г. эта организация уже существовала, поэтому, возможно, уже тогда какие-то разговоры об Александре Иосифовиче велись среди ее участников.

Но вернусь к осени 1966 г. Формально мы пришли к Александру Иосифовичу после годовичного курса, которым ограничивалось обучение большинства студентов исторического факультета. Однако наша наставница практически ничему нас не научила. Дело ограничилось изучением склонений существительных, прилагательных и некоторых местоимений, спряжений активных форм глаголов в ин-

---

² Зайцева О. И., Гаврилов А. К. Хронологическая канва жизни и творчества А. И. Зайцева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Альманах. Вып. 3. СПб., 2003. С. 198.

дикативе, пассивные формы даже не упоминались, а о конъюнктиве нам было сказано, что это сослагательное наклонение. Из синтаксиса были упомянуты обороты *accusativus cum infinitivo* и *ablativus absolutus*. И вот с таким запасом грамматических знаний нам было предложено читать *De Catilinae coniuratione!* Александр Иосифович пришел в ужас, и нам было велено самостоятельно освоить грамматику в пределах кафедрального учебника, вышедшего первым изданием в том же году. Я с трудом могу вспомнить, что мы делали на тех нескольких занятиях, которые провел с нами в октябре 1966 г. Александр Иосифович. Помню только, что с тех самых пор мы испытывали священный трепет перед нашим Учителем, от которого, признаюсь, я, как, думаю, и многие другие его ученики, не избавился на протяжении всего нашего 34-летнего знакомства. В конце месяца началась сессия заседаний Василеостровского районного суда, на которых Александр Иосифович должен был присутствовать в качестве народного заседателя и вернулся он только в начале декабря. Несколько занятий с нами провел А. К. Гаврилов, который, увидев наше невежество, прямо сказал нам, что мы не достойны того счастья, каковым является обучение у Александра Иосифовича. В декабре мы сдали зачет по грамматике и приступили к чтению Цезаря. Затем мы читали письма Цицерона к Аттику. После этого Александр Иосифович предложил перейти к чтению средневековых авторов и, как потом стало ясно, это было во многом вызвано его собственными историческими интересами. Пренебрежение к поздней латыни у него отсутствовало полностью. Начали мы с антологии вагантской поэзии *Carmina Burana*, затем последовали *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* Джованни Пико делла Мирандола (этого автора выбрал сам Александр Иосифович и мы прочли довольно обширное предисловие), главы из второй книги *Historia Francorum* Григория Турского и значительная часть первой книги «Исповеди» св. Августина.

На первых порах манера обучения, принятая у классиков, озадачила нас, привыкших к преподаванию новых языков. Удивляло, что за занятие успевали прочесть сравнительно небольшой отрывок, что каждую фразу сопровождал не только грамматический, но и обязательный и часто неожиданный исторический и реальный комментарий, и особенно то, что иногда Александр Иосифович прибегал к тому виду толкования, который можно было бы назвать рациональным.

Наши недостаточные, даже после экстренного зачета, знания пополнялись примерами из текстов. Александр Иосифович постоянно повторял свое, весьма образное, поучение, сравнивая знания грамматики с прочным льдом, который обеспечивает безопасный переход реки. По ходу дела выяснился еще один пробел: хотя большинство из нас сдавало устный экзамен по русскому языку, мы основательно забыли грамматическую терминологию и путались даже в наименовании членов предложения. Пришлось повторять и это. Со временем мудрость этой методы стала понятна. Мы не только закрепляли свои знания, но и подсознательно усваивали редкие примеры, как, например, глагол *sullaturio*. Очень важны были и аналоги из новых языков. Однажды, когда в тексте встретилось слово *spatium*, Александр Иосифович указал, что от него образован типографский термин «шпация» — так называют металлический брусок, который служит при наборе для образования пробелов. Через много лет я употребил этот термин в разговоре с технологом в типографии, чем вызвал ее изумление.

Весьма поучительными были исторические и реальные комментарии Александра Иосифовича. Если речь шла не о конкретных событиях, а так сказать об их сущности, Александр Иосифович часто прибегал к аналогиям из более знакомых нам средней или отечественной истории. Это могло касаться значения охоты в жизни дворянина или принятых законодательством Российской империи правил поведения в табельные дни, или изменений регламентации ношения усов и бороды военными и гражданскими лицами в России в XIX в.

Но наиболее тонкими были реальные комментарии Александра Иосифовича. На его занятиях мы узнали о кулинарных пристрастиях древних, системе обозначения при помощи римских цифр значительных денежных сумм, о таком типе скульптурных изображений, как герматена, и т. д. Но более всего меня поражало умение Александра Иосифовича видеть скрытый смысл в том, что кажется простым и ясным. При чтении «Рассуждений» Пико делла Мирандола (он всегда избегал привычной для ренессансистов формы, Пико) уже само имя и титулы автора стали предметом серьезного обсуждения. Родовое имя, в латинском его написании *Picus*, сразу было истолковано в обыденном значении «дятел» и было высказано предположение о возможном его шутейном обыгрывании. Замечу, что итальянское название птицы *picchio* не совпадает с написанием

родового имени графов Мирандолы. Далее следовало перечисление титулов, где после *comes Mirandulae* следовало *princeps Concordiae*. Это вызвало интерес Александра Иосифовича. Я высказал вполне резонное замечание, что это почетное прозвание, которое дали Пико его ученые друзья в знак одобрения выдвинутого им учения о всеобщем согласии философских школ и религиозных учений. Но Александр Иосифович настаивал на уточнении, аргументируя это тем, что едва ли возможно ставить рядом дворянский титул и почетное прозвание. В то время заведующим отделом редкой книги Библиотеки Университета был мой учитель Александр Хаймович Горфункель, один из крупнейших отечественных исследователей философии Возрождения. Изложив ему суть вопроса, я получил исчерпывающее разъяснение. Дело в том, что родовым титулом Пико было граф Мирандолы и сеньор небольшого селения Конкордии, расположенного поблизости. Таким образом, именно родовой титул и получил символическое истолкование. Вообще Александр Иосифович как никто был внимателен к деталям. Как-то он пришел на занятия и спросил, не знаем ли мы, почему на бланке Флорентийского университета содержится упоминание Христа как короля Флоренции? И он был очень доволен, когда В. И. Мажуга сразу ответил ему, что так повелось со времени правления Джироламо Савонаролы.

Что касается рационального комментария, то эта практика была наиболее неожиданной. Мы были удивлены тем, что простые житейские ситуации могут способствовать прояснению смысла памятников древней литературы. Помню, как при чтении писем Цицерона к Аттику, нас поставил в тупик один вопрос Александра Иосифовича. Цицерон пишет, что его другу из Афин легче прислать письмо с оказией, нежели ему из Рима. Когда от нас не удалось добиться чего-то толкового, Александр Иосифович растолковал суть дела так. Представьте, что вас после окончания Университета распределили в Псков. Через месяц вы будете знакомы со многими земляками, оказавшимися в схожем положении. И при каждой встрече будете спрашивать: «А когда же домой?». Вот вам и оказия.

Воспоминания такого рода полагается оживлять рассказами о комических происшествиях. Подобное случалось и на занятиях Александра Иосифовича. Еще в первый год обучения мы столкнулись с проблемой словарей. Тогда наиболее доступным был словарь Андрея Михайловича Малинина, печально известный тем, что

в нем на первом месте постоянно стояло не основное значение слова. Постепенно, разными способами, многим удалось раздобыть другие словари. Один Юрий Павлович Малинин продолжал пользоваться «Малининым». Как-то Александр Иосифович не вытерпел и спросил «Товарищ Малинин, почему вы пользуетесь этим ненадежным словарем? Может быть, этот Малинин ваш родственник?». Замена вскоре нашлась.

В тексте «Рассуждений» Пико встретилось утверждение, в котором он назвал вино (*meum*) вещью, более всего служащей укреплению здоровья. Прочитав это, Александр Иосифович наставительно заметил, что такое заявление остается на совести Пико делла Мирандола. И. Л. Штатман, возможно сбитый с толку непривычным словом, предположил, что Пико, видимо, имел в виду *виноградное* вино. На что Александр Иосифович темпераментно ответил: «Ну, разумеется же, не древесный спирт!».

Примерно 4 или 5 ноября 1967 г. я ехал на занятия к Александру Иосифовичу. Неожиданно автобус № 7 свернул по Большой Морской (тогда улице Герцена), и, когда он выехал к Неве, я увидел, что от Дворцового моста буксир тянет «Аврору», которая, по замыслу организаторов празднования 50-летия Октябрьской революции, должна была встать на место своего мифического выстрела. Запыхавшись и опоздав минут на двадцать, я влетел в аудиторию и выпалил: «Александр Иосифович, извините, но там по Неве тащат “Аврору”. Александр Иосифович помедлил, а затем, изобразив крайнюю степень удивления, спросил: “Как!? Разве она не находится на Вечной стоянке?”». Те, кто не жил в те времена, едва ли может оценить утонченную едкость этого замечания.

До V курса Александр Иосифович обращался к нам, используя официальное обращение, товарищ, прибавляя к нему фамилию³.

---

³Весьма интересное объяснение этой манеры Александра Иосифовича, по прочтении рукописного текста этих воспоминаний, высказал в адресованном мне письме от 13 января 2005 г. А. Х. Горфункель: «Интересно обращение “товарищ” — оно идет из предвоенных лет, в наше время его уже не употребляли, разве что на партсобрании. Прежние люди, поскольку обращение “господин” было забыто и невозможно, использовали это советское обращение как замену прежнему. Я с этим столкнулся в Литве, где все сотрудники обращались к начальнику “Товарищ директор”, явно (и подсознательно) заменяя им “господин”. А как им было иначе: русскую манеру с отчеством им перенимать не хотелось, просто по имени, как в Америке, было невозможно, как и по фамилии, вот и обращались — и не только обращались, а называя директора при мне

При первой встрече осенью 1969 г., отметив, что мы уже стали взрослыми, опросил у нас имена и отчества и впредь обращался только так. Сколько я помню, занятия продолжались до весны 1970 г., а затем мы занялись написанием дипломных работ.

Впрочем, для Ю. П. Малинина, В. И. Мажуги (он ходил на занятия с нашей группой, хотя и учился на курс младше) и меня обучение у Александра Иосифовича после окончания университета не закончилось. Правда, я попал на два года в армию, но мои друзья поступили в аспирантуру и продолжали читать тексты с Александром Иосифовичем. Без меня они читали письма св. Иеронима и начали читать *De consolatione philosophiae* Боэция. Осенью 1972 г. я присоединился к ним, и вместе мы читали Боэция и «Асклепия» Псевдо-Апулея.

Занятия привлекли внимание начальства. Официально они были организованы для аспирантов кафедры истории Средних веков, но большинство из них не выражало особого желания совершенствовать знания латинского языка, поскольку, как выразился один из них, хроники можно понять и без чтения Иеронима с Боэцием. На деле туда ходили аспирант Института истории В. И. Мажуга, сотрудники библиотеки имени Горького М. Г. Логутова и И. Х. Черняк, а также наш старый друг, тогда еще студент кафедры классической филологии, Н. И. Николаев и всего лишь один аспирант исторического факультета — Ю. П. Малинин. К этому и придрались. Нам было запрещено посещать занятия. Вскоре, вследствие претензий идеологического характера к представленным на обсуждение статьям, начались неприятности и у самого Юрия Павловича, которому в какой-то момент грозило отчисление. В этой ситуации и ему пришлось прекратить занятия. Вообще же преподавание Александра Иосифовича на кафедре истории Средних веков продолжалось до начала 1978 г. Ясного представления об этом периоде у меня нет. Но, по воспоминаниям одного из последних учеников Александра Иосифовича Н. Е. Копосова, в те годы он один посещал его занятия, причем как византинист он изучал оба языка. Таким образом, постоянное преподавание Александра Иосифовича на нашей кафедре продолжалось примерно двенадцать лет. Очень прискорбно, что в уже упоминавшейся хронологической канве от-

---

тоже говорили: «товарищ директор». В моем поколении (послевоенном) приходилось сразу переходить на «имя-отчество»».

мечено преподавание Александра Иосифовича только на кафедре истории Древней Греции и Рима, а сотрудничество с кафедрой истории Средних веков выпало из поля зрения составителей.

Всегда существовавшая связь Александра Иосифовича с медиэвистами проявилась и в трудное для него время — период травли, которой сопровождалось обсуждение рукописи «Культурного переворота в древней Греции VIII–V вв. до н. э.». Я присутствовал на одном из докладов Александра Иосифовича, в котором он излагал основные положения своей концепции. Точную дату заседания я, к глубокому сожалению, назвать не могу, но, возможно, это было еще до представления рукописи. Отчетливо помню, что происходило это в 70-й аудитории на историческом факультете, и за последним столом сидели Александр Хаймович Горфункель, Николай Иванович Николаев и я. Где-то рядом втиснулся Марк Тимофеевич Петров. По ходу изложения мы переговаривались между собой и обменивались одобрительными знаками с Марком, отмечая положения, перекликавшиеся со сходными явлениями в культуре Возрождения, которые позволяют описывать ее как культуру переворотного типа. И когда сам Александр Иосифович, заключая свое выступление, указал на имеющееся сходство двух культурных переворотов, мы были очень довольны. Почему-то именно этот тезис вызвал особые возражения. Тогда с поддержкой важнейших положений доклада выступил Александр Хаймович, выразивший наше общее мнение. Насколько я могу судить, Александр Хаймович очень внимательно следил за основными этапами прохождения книги в издательстве и многое я узнавал именно от него. Замечу еще и тот факт, что Марк Тимофеевич в своей книге «Проблема Возрождения в советской науке», использовал многие положения труда Александра Иосифовича, характеризующие особенности культур переворотного типа⁴.

Мне не раз приходилось обращаться к Александру Иосифовичу за консультациями. Особенно часто это было осенью 1972 г., когда я составлял комментарии к переводам Марсилио Фичино и Франческо Патрици, выполненным А. Х. Горфункелем, В. И. Мажугой, Н. И. Серман и мною. Без советов Александра Иосифовича я едва ли справился со многими трудностями. И то, что я вообще занимался переводами ренессансных и средневековых авторов, ста-

---

⁴ *Петров М. Т.* Проблема Возрождения в советской науке: Спорные вопросы региональных ренессансов. М., 1989. С. 153.

ло возможно только благодаря выучке, полученной на занятиях у Александра Иосифовича. То же самое могут сказать и мои близкие друзья и соученики Ю. П. Малинин, В. И. Мажуга и еще многие наши коллеги медиевисты.

В 1990 г. произошло событие, которое резко изменило мою жизнь. По рекомендации Александра Иосифовича Л. Я. Жмудь предложил мне начать преподавание истории Средних веков в Санкт-Петербургской классической гимназии. И уже в стенах этого учреждения, часто встречаясь с Александром Иосифовичем, я обсуждал с ним многие вопросы преподавания и гимназической жизни. Но этот сюжет уже выходит за рамки предложенной темы.

Summary

A memoir on teaching of Latin of A. I. Zaicev, professor of classics at the University of St.Petersburg, by his former pupil, then the student of Mediaeval history, today the specialist in Italian Renaissance Dr I. Ch. Tchernjak.